

Все дома!

Рассказ

Осеннее утро. Волны уже холодного моря набегают на берег и, кусая его, бессильно откатываются назад. Порыв ветра разбавляет терпкий аромат увядания. В воздухе рой опадающих листьев... Я вылез из-под одеяла и сладко потянулся. Похоже, пора вставать и идти гулять. Сегодня пасмурно, поэтому Бориска пойдёт, наверняка, по короткой лесной тропинке. Но это ничего: я и там знаю много хороших мест, где интересно остановиться, осмотреться и побегать. Вот и любимая сосна... У неё такая нежная кора с розовым узором – будто улыбается мне. Только снизу ровный и высокий ствол уже начинает темнеть и покрываться мокрым зелёным мхом. Здорово вдохнуть воздух, сырой от дождя, который приятно стучал всю ночь по крыше дома... Там всегда шуршит поблёкшая трава, а на земле много-много мокрой жёлтой листвы.

Мне вообще нравится гулять утром по узенькой дорожке вдоль берега. Вокруг много сосен и почти нет черники. Эти кусты такие противные. Пройдёшь рядом с ними, сразу вымокнешь. Я этого не люблю.

Борис идёт рядом и названивает по телефону. Занят. Не до меня. Ну что ж, раз так, побегу-ка быстренько на своё любимое место. Там берег делает крутой изгиб, образуя мелкую заводь, где много сочной травы и камышей. Тихо подобравшись к воде из-за деревьев, люблю пугать белых лебедей, которые частенько заплывают сюда отдохнуть. Долго бегаю вдоль берега, пытаюсь доказать всем своим видом, кто здесь хозяин. Ну, хотя бы тут, рядом с моей тро-

пинкой... Лебеди, не суетясь, не взмахивая крыльями, легко покачиваясь на волне, отплывают чуть в сторону. Даже шеи свои длинные не поворачивают. Не то что утки. Те бы сразу вспорхнули и унесли куда подальше. А эти курлыкают, крыльями взмахивают, но не улетают.

Восстановив справедливость, я с чувством исполненного долга возвращаюсь домой. Борис уже приготовил еду и несёт на стол тарелки. После долгой прогулки на голодный желудок всегда хочется есть.

Почувствовав прилив радости, опережая Бориску, тоже устремляюсь к еде. Правда, приходится то и дело оглядываться: точно ли несут мою тарелку, или, может быть, передумали, или, не дай Бог, уже сами всё съели. Пока всё благополучно. Начинается трапеза.

Обычно я быстро съедаю свою порцию и жду, когда Бориска вспомнит слова какого-то доктора и оставит нетронутой половину своего завтрака. Жду этого чудесного мгновения, сидя на диване, вежливо глядя совсем в другую сторону. В воздухе пахнет варёным мясом и гречкой. Причём у него гречка, наверняка, с солью и густо полита оливковым маслом, что делает её уже не просто кашей, а настоящим лакомством. Количество съеденного Борисом растёт, а порция каши, что остаётся в тарелке, назло мне неотвратимо уменьшается.

Мне захотелось как-то напомнить о себе. Тихонько постукивая по столу, я принимаюсь напевать что-нибудь из того, что Бориса раздражает. Я прекрасно знаю, что он этого не любит, терпеть не может и потом всегда ругается. Никакого эффекта! Плохо дело. Придётся осуществить прямое вмешательство. Это вообще-то беспроегрешный вариант, но понятно и другое – пользоваться сильными средствами можно только в крайнем случае. Ура! Победа! С удовольствием возвращаюсь на диван и удобно устраиваюсь там, положив голову на большую красную подушку.

Насытившись, мы молча смотрим телевизор. Там как всегда ничего интересного – один шум и мелькание картинок. Вот когда «Семнадцать мгновений весны» или футбол, тогда Бориска охает или громко орёт, а я чувствую что-

то неладное, боюсь и переживаю за него. Сегодня наоборот. Полная идиллия, никаких эмоций. Сон постепенно захватывает нас обоих.

Чуть погода Борис встаёт налить себе большую кружку чая. Я сразу же приподнимаюсь, чтобы проверить, не делает ли он себе бутерброд с сыром. А может, даже и с колбасой! Чая-то многовато будет... Вряд ли он сможет его выпить просто так... Нет, ошибочка вышла: в этот раз я пролетел. Что ж, ему же хуже. С булочкой да ещё с чем-нибудь значительным было бы гораздо вкуснее.

Я просто удивляюсь ему. Знает же, что если чай сладкий, то обязательно нужно бутерброд с сыром. Чай был сладкий, я видел. И на тебе! А представляете, если бы он всё-таки взял бутерброд? Ну, давайте помечтаем. Дал бы мне половину? Дал бы? Фиг! Сразу весь целиком засунул бы себе в рот и потом бы долго жевал, запивая чаем. Уж я-то знаю! Это чтобы не делиться. Он или жадный, или сам очень поест любит. Я все ещё колеблюсь, пока не разобрался. Изучаю, сравниваю с другими. Мне важно это для себя уяснить, чтобы применять более эффективные формы воздействия на моего старшего родственника.

В общем-то, Бориска хороший, и я его люблю. Люблю обниматься с ним и целоваться. Люблю, когда он берёт меня с собой кататься на машине. Я обычно сижу рядом, а когда он зачем-то выходит, сажусь на его место за руль. Прохожие смотрят и удивляются: мол, такой маленький, а уже имеет водить машину. А, бывало, проснёшься, скинешь в сторону одеяло, откроешь глаза и сквозь огромное во всю стену окно видишь ещё зелёную полянку, где я обычно играю, светлые листья берёзы на фоне всегда тёмных елей... А Бориска погладит меня, накроет одеялом с головой и давай снова спать. Я обычно глубоко-глубоко вздыхаю. И в этом вздохе всегда столько печали, что Бориска опять начинает меня гладить. Хорошо, когда все дома! Но ведь когда-нибудь это счастье закончится...

А ещё, когда он уезжает, мне очень хочется, чтобы он поскорее вернулся. Тогда я жду его, боюсь пропустить. Устроюсь прямо на траве и часами смотрю на ворота, не

отводя глаз. Или сразу иду к огромному валуну около дома. Когда мне тяжело, я всегда там. Улягусь и лежу себе. Тепло, спокойно. Это камень так на меня действует. Он вообще давно здесь. Много-много лет! Ещё и меня на свете не было. Случается, долго лежу. Тогда валун не выдерживает, и я слышу его медленный шёпот: «Не мель-к-а-а-й...» Если уже поздно и нужно идти спать, то я, конечно, уйду домой, но всё равно ещё с полчаса буду стоять у дверей, понутив голову, и ждать. А вдруг... Это же большая разница: спать одному на диване в комнате у бабушки или на огромной кровати вместе с Бориской.

Вчера на мой юбилей привезли младшего родственника. Такой маленький, беленький, с тёмными круглыми глазёнками. Вылитый зайка. И бегаёт также. Кричу на него, ведь я же главный, а он не убегает, лишь вокруг меня круги наматывает. Якобы умный. Должно быть, сразу смекнул, что мне его не поймать. Умный-то умный, но гадёныш! Уже успел сломать и разорвать все мои игрушки, что валялись повсюду на полянке. Зубы у него острые, чешутся, вот он и хватается всё, что в зоне его досягаемости, да норовит самое ценное ухватить. Борискин телефон сжевал, пульт от телевизора, любимые тапки, я помню, всегда ему их приносил, а этот!..

Но кто хозяин в доме, я его сразу приучил. Борис принесёт что-нибудь вкусненькое, так этот даже не подходит, нос воротит в сторону, мол, и не видит вовсе, якобы не надо ему этого. Конечно, я же рядом! Вмиг отниму! У меня не забалуешь! Другое дело, если я далеко, лежу, к примеру, на диване рядом с Борисом. Тогда этому хмырю «масленица». Утаскивает вкуснятинку куда-нибудь подальше, выроет ямку в огороде, положит туда хрустик (фу, как можно!), а после носом аккуратненько засыплет и возвращается как ни в чём не бывало. Только нос-то весь в земле. Тоже мне, умный! Я же всё вижу, сразу делаю выводы, потом наблюдаю, отслеживаю дальнейшие действия и поступки. Хотя «действия» и «поступки», как по телевизору говорил какой-то Мюллер, – одно и то же.

Есть у новенького две особенности. Тут уж я не в силах как-то повлиять. Зимой под снегом, по запаху что ли, всег-

да находит все игрушки, ещё осенью разбросанные по поляне. Причём Борис, бывало, крикнет: «А где же наша утка?» Ишь ты: «Наша»! Так он сразу находит. Даже лягушку может отыскать. Игрушка очень маленькая, а он всё равно находит. Вытащит из-под снега и прямо по сугробу бежит вприпрыжку. И не проваливается ведь. Я так не чую – просто помню, где что лежит. А этот! Прямо охотник... за чужим. Выбежит, бывало, вместе с уткой моей на тропинку, прокопанную в снегу, станет во весь рост, и любуйтесь на него. «Вот я какой, весь из себя смыслённый и находчивый». Не хватает только кепки на макушке да штанов на лямках крест-накрест. А сам и лаять-то не умеет. Только молчит с таким видом, мол, думать шибко любит. Иногда, если Бориска снег убирает или осенью листья, этот совсем с катушек слетает и, кидаясь на лопату или на грабли, пищит, визжит, мяукает будто кошка, всё что угодно, только не лает. То ли нравится ему, как грабли двигаются туда-сюда, то ли железа в организме не хватает, а потом, поймает-таки, лижет их, как ошалелый. А так может просидеть у дверей целый час и не проронить ни звука. Даже зимой! Тоже мне герой!

Теперь главное. Кровать, на которой я сплю с Бориской довольно высокая, и я ещё пока могу туда залезть. Но, знаете ли, с трудом и только с правой стороны. Так этот запрыгнет первым, сидит на моём месте и в ус не дует. Не то чтобы издевается надо мной. Нет. Скорее, пытается продемонстрировать естественный процесс смены власти. Я туда-сюда, хожу, пишу Бориске ультразвуком, мол, перенеси ты этого охламона за шиворот с моего места. Не-а! Один уже спит, другой балдеет от счастья. Я же не могу теперь так просто взять и запрыгнуть. Если бы мог, этот давно скулил бы, вымаливая у меня прощение.

Короче, насладившись своим внезапным величием, он потом сам медленно, нехотя, будто делая большое одолжение, перебирается через Бориса на левый борт кровати, освобождая мне моё место. Ну что же, значит, хоть и гадёныш в частностях, но по большому счёту всё-таки соображает, как надо себя вести! Только это и радует, заставляет

терпеть его выходки, привыкаешь помаленьку, ну и так, вообще, вроде как любишь его что ли.

Наконец-то залезаю на кровать и, устроившись в ногах у Бориски поверх одеяла, от удовольствия привычно громко вздыхаю. Маленький, застеснявшись, опускает голову и лезет ко мне лизаться. Очень нужно! Лучше бы не увязывался с нами, когда мы идём гулять с Борисом. Всё время так и трётся, так и трётся рядом. Ведь этак он ещё и до лебедей доберётся. А ведь я и сам ещё ни разу на них даже не лаял.